

18+

Валерий Бронников

Старик

Валерий Викторович Бронников

Старик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31514414

SelfPub; 2018

Аннотация

Труднодоступные места, а подчас отсутствие транспорта, делают жизнь поморов обособленной и непохожей на жизнь в других регионах. А в те годы прошлого века, о которых идёт речь, транспорт ходил от случая к случаю, связь едва существовала от полевых телефонов. Передвижение от посёлка к посёлку осуществлялось на своих двоих или на лодке под парусом, или на вёслах. Но именно эти посёлки позволяли выживать стране в годы Великой Отечественной войны и в трудные послевоенные годы, снабжая центральные области дарами моря. С уважением к читателям: Валерий Бронников

Содержание

Старик	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Старик

Старик стоял у самой кромки воды. Море плескалось и шумело. Волны набегали одна на другую, спешили к берегу, пропадая и вздымаясь вновь, торопясь наперегонки обрушить свой гребешок на прибрежную гальку. Приближался шторм. Никаких предвестников надвигающегося шторма не

было, и несведущему человеку показалось бы, что пейзаж на море не отличается от того, какой был вчера, позавчера или неделю назад, но старик знал, что не пройдёт и двух часов, как море закипит, вздыбится, побелеет от разъярённых волн и обрушит свой гнев на того, кто не успел вовремя укрыться на берегу.

Алексей Сергеевич, так звали старика, был неопределённого возраста. Его лицо всегда выглядело не бритым, торчала щетина, местами побелевшая и отсвечивающая на солнце. На голове шапка-ушанка с одним свисающим ухом, другое ухо прилежно лежало сверху. Одет он был в телогрейку с брезентовым верхом, выцветшим от солнца и солёной морской воды, в штанах неопределённого размера и цвета с огромными заплатами на коленях, на ногах обычные валенки, в которых он ходил зимой и летом. Руки, переделавшие на своём веку, уйму рыбацкой работы, были скрючены с пожелтевшими ногтями и мозолями на ладонях, холода они не чувствовали, как, впрочем, и жару тоже. Кожа, привыкшая к сменам температур и солёной воде, бала сухая и шершавая. Эти руки никогда не потели и не шли ни в какое сравнение с белыми холёными и потными руками людей, не привыкших к труду, занимающих чиновничьи кабинеты, берущих этими липкими руками взятки и обнимающих конторских женщин, потея при этом, всем телом.

Старик смотрел на море. Шторма он не боялся. Не раз ему приходилось бороться на своём карбасе со стихией. Страшен был не сам шторм, а последствия, которые он вызывал. Ставной невод на сёмгу, который разбрасывал свои крылья на весь сезон, может не выдержать натиска волн, тогда семья может остаться без пищи и заработка. Это было самое страшное.

Маленькая деревня кормилась тем, что даёт море. Рыбу и водоросли, которые собирали на морском берегу, увозило судно. Оно приходило за товаром раз в месяц. Взамен на судне прибывали продукты первой необходимости: сахар, мука, спички, соль, керосин, консервы и некоторые другие. Рыбу и мясо жители добывали сами. Да и жителей всех насчитывалось полтора-два десятка человек, считая стариков. Летом приезжали погостить родственники, но ненадолго.

Сегодня невод смотрели, но рыбы не было. Она тоже чуёт шторм и уходит на глубину, где вода спокойнее и не мутная, как у берега. Карбас вытаснен воротом на берег. Непогоду ему лучше переждать на суше. Бывало, что якоря не выдерживали, и карбас разбивало о камни. Ремонтировать и чинить требуется много времени и затрат. Деревенские мужики поступали так, как делал дед. Он никогда не ошибался. Если он оставлял карбас на воде, так поступали и другие.

Дед, несмотря на непогоду, был доволен. Приехал зять и

помог отремонтировать стационарный лодочный мотор. Не доверял Алексей Сергеевич свой пароход никому, но ремонт мотора осилить сам не мог, а специалистов в деревне не было. Зять приехал вовремя. За день управились. Больше всего дед боялся, увидев оставшуюся от целого мотора, грудку деталей, что обратно целого мотора не получится. Он смотрел, как зять работает, очищая от нагара детали, и мрачнел всё больше и больше. Старик не мог представить, что эти детали снова будут мотором, который сможет опять тарахтеть в его карбасе.

– Денис, а ты соберёшь всё обратно?

– Ты что, дед, сомневаешься, что ли? Главное, чтобы негодных деталей не оказалось. Здесь мы с тобой запасных частей не найдём.

– А вдруг он не заработает?

– Куда он денется. Обязательно заработает.

– А ты ничего не перепутаешь?

– Дед, да что тут путать. Шатун, поршень и цилиндр.

Эти разговоры не кончались. Через некоторое время дед опять всё спрашивал сначала и Денису изрядно надоел.

Когда, наконец, собрали мотор, старик затаил дыхание. Денис подготовил двигатель к запуску и топнул по стартёру ногой. Ничего не произошло, двигатель даже не чихнул. Он с остервенением топал без усталости по рычагу стартёра, но признаков жизни мотор не подавал. Они вместе вывинчивали и чистили свечи, проверяли искру, подачу бензина, но мотор

не запускался. Алексей Сергеевич полностью упал духом и начал потихоньку «пилить» Дениса:

– Я тебе говорил, не трогай мотор. Что-то ты не так собрал.

Денис молчал. Он знал, что собрал всё правильно. А почему мотор не запускается, понять не мог. И, наконец, его осенило: детали они промывали бензином и в картере скопились пары, они-то и мешали нормальному воспламенению, слишком много их накопилось. Зять вывернул свечу, чиркнул спичку и выжег пары бензина в цилиндре. После этой процедуры мотор сразу запустился, заработал мягко и устойчиво.

Надо было видеть лицо старика. Он весь засиял. Алексей Сергеевич заторопил зятя домой, сказав, что припас по этому случаю бутылочку. Карбас старика уже не интересовал, ему надо было услышать звук работающего мотора. Выпить Алексей Сергеевич любил. Это было второе после рыбалки серьёзное занятие. Если на столе появлялась бутылка, все остальные дела он откладывал на потом, на неопределённое время. В доме были одни женщины, жена и приехавшие погостить на лето дочери и внучка. Деду было скучно и тоскливо пить в одиночестве, а женщины были не компаньоны, с ними не интересно, поговорить не о чем. Другое дело – зять. Мужик! Пусть молодой и не опытный, но мужик. С мотором управился, старый и опытный так не управится! С ним и поговорить интересно, темы найдутся общие. Правда, к вину

дед не склонен был его приучать, но один раз выпить можно, один раз здоровью не повредит.

На столе появилась обычная еда: большая тарелка нарезанной крупными ломтями свежепросольной сёмги отменного качества и вкуса, большая глиняная латка с потрохами от свежей сёмги, запечёнными в русской печи, от которой исходил такой аромат, что дух захватывало. Самовар закипал, шумел на высокой ноте, предупреждая тем самым, чтобы готовили заварной чайник. Для тех, кому надоела сёмга, стояла целая тарелка варёных свежих ревяков, или иначе морских бычков. Эта рыба у берега самая распространённая. Мяса в ней почти нет. Большая голова переходила сразу в хвост, сильно сужаясь. Для любителей это большое удовольствие – обглаживать эти головы и съедать оставшуюся съедобную часть на остальной части туловища.

Старик, выпив пару рюмок, начинал учить дочерей:

– Я для вас царь и Бог, добытчик. Что бы вы без меня делали? Вы ничего не умеете кроме, как крутить хвостом. У вас одни развлечения, танцульки да женихи на уме. Какая от вас в семье польза? Главу семейства и то не уважаете, надсмехаетесь, а я, между прочим, вас кормлю. Вшивки, вы и есть вшивки.

«Вшивки» – это любимое ругательство деда в адрес женщин.

В словах старика была правда, может быть обидная и горькая, но правда. Семьи без мужчин жили тяжело. Пропита-

ния на зиму не всегда хватало. Приходилось занимать и просить там, где в семье были мужчины, которые занимались промыслом.

Девки хихикали, смеялись, не утруждая себя задумываться над тем, что говорил старик и шептались:

– Ещё пара рюмок, царь и Бог слетит с копыт.

А вслух говорили:

– Раз ты царь и Бог, застегни хотя бы свой «магазин». Никакого уважения к женщинам.

Старик пропускал их слова мимо ушей и опять начинал учить уму-разуму. Через пару рюмок происходило то, что ему предрекали, он отключался. Девки тащили его на диван отсыпаться и трезветь, шутили:

– Тише! Царь и Бог отдыхают, беспокоить и смеяться не велено.

Проспавшись, старик шёл опять к морю. Он и море – это было единое целое. Если море само по себе могло существовать, то старик без моря себя не представлял. Здесь была вся его жизнь. После шторма море успокоилось, но продолжало по инерции накатывать волны на берег. Алексей Сергеевич позвал зятя, и они вместе стащили карбас в воду. Старик беспокоился за невод, надо было ехать и смотреть, что натворили волны. К удивлению, невод выстоял. На снасти налипли водоросли, но это была мелочь. Вместе они на карбасе заехали через ворота внутрь и подняли днище. На сетке трепыхалась большая сёмга, покусанная морским зверем, и одна

зубатка. Покусанную рыбу на приёмном пункте не принимали, она шла на еду рыбакам. Зубатка полетела вслед за сёмгой в карбас. Она упала на днище и замерла. Денис никогда не видел только что выловленную зубатку. Он подумал, что удар о лодку её оглушил, и решил потрогать хвост сапогом. Мгновенно зубатка повернулась на сто восемьдесят градусов и вцепилась зубами в сапог. Ногу спасло то, что зубы уцепились за рант сапога, прокусив его насквозь мёртвой хваткой.

Денис поёжился, представив, что могло быть с ногой. Осмотрев снасти, рыбаки вернулись с уловом домой. Зять, увидев, что море успокаивается, попросил у Алексея Сергеевича карбас съездить на вёслах, поудить рыбу.

После обеда на море установился штиль. Были только большие гладкие волны, напоминавшие о прошедшем шторме, которые плавно перекачивались, ещё до конца не успокоившись. Когда на воде нет ряби от ветра, дно моря прекрасно просматривается, и на большой глубине видно, как передвигаются рыбы. Встав на якорь, Денис измерил глубину, оказалось, ровно пять метров, но дно было прекрасно видно с большими, заросшими мхом валунами, с извивающимися водорослями и морскими звёздами. Сейчас рыбу было не видно, но Денис знал, что стоит только опустить наживку, как рыбины начнут вокруг неё крутиться. Так и случилось. Ревяки сразу же накинулись на дармового червя. Рыбака они мало интересовали, он отводил червя от ненасытных ртов, пытаясь подвести его к треске или камбале.

Через пару часов в корзине красовался приличный улов.

Вечером старик решил ехать в соседнюю большую деревню. Наступил срок отвезти дочку и внучку к рейсовому самолёту. Он, как обычно, оценил погоду и ничего, что бы могло его насторожить, не увидел. Карбас отчалил. Мерное та-рахтенье мотора убаюкивало.

Шторм налетел внезапно. Это было редкое явление природы, когда ненастье появляется ниоткуда. В этот раз чутьё старика подвело. Поднявшийся внезапно ветер вздыбил волны. Они начали бросать карбас, как щепку. Мотор чихнул и заглох.

– Девки на вёсла! – крикнул дед сквозь шум шторма.

До беды оставался миг. Стоило карбасу повернуться к гребню волны бортом, и беды не избежать. Женщины ухватили по веслу, что есть мочи, стали грести, пытаясь удержать лодку против волны. Грести они умели, но удержать большую лодку на таком ветру не каждому мужику под силу. Сил было явно мало, но старик помочь не мог. Он пытался завести остановившийся двигатель. Причина его остановки была ясна: волна захлестнула выхлопную трубу. Мотор в этой ситуации был единственным спасением. Дед знал, что женщинам на вёслах долго не продержаться, а сам был тоже не Геракл. Старик хоть и умел управляться и с вёслами, и с парусом, но возраст делал своё дело, физическую работу выполнять было уже трудно.

После нескольких попыток мотор запустился, чихнул и за-

стучал равномерно, как ни в чём ни бывало. Можно было перевести дух. Старик управлял судном, следя за тем, чтобы волна опять не накрыла выхлопную трубу.

Рейс закончился нормально. Непогода так же утихомирилась, как и возникла. Обратно старик вернулся один.

Ночью он опять стоял на берегу и глядел на море. Шёл прилив. Вместе с приливом тянул прохладный ветерок с моря. Ненасытные чайки кружились над неводом, зная, что там обязательно будет рыба. Красное солнце клонилось к горизонту, предвещая хорошую погоду. Старик слушал шум моря и, казалось, что спал. Он опять жил одной жизнью с морем, которое было смыслом всей его жизни.

* * *

Сегодня старик был не в духе, ходил, бурчал, делал всем замечания, но сам ничем особенным не занимался. Вчерашний хмель улетучился, настроение было противное, делать ничего не хотелось, да и не было никаких сегодня особых дел. Ему хотелось опохмелиться, но женская гвардия стойко держала оборону. Жена Татьяна Игоревна на каждое слово отвечала тремя. Назревала обычная повседневная перепалка. Дочери были на стороне матери, и женщины втроём не давали старику не только покоя, но и не давали сосредото-

читься на главном. Была острая потребность выпить, забыть-
ся и не слушать трепотню женщин, которые явно не пони-
мали или не хотели понимать главную на этот час для него
задачу.

Зять ни во что не вмешивался. Он появился вчера, прие-
хал всего на несколько дней повидаться с женой и дочкой. Не
имело никакого смысла решать проблемы, которые были до
него, есть сейчас и будут после отъезда. Он одел маленькую
дочку, взял её на руки и пошёл с ней гулять.

Маршрут был обычный: до маяка на мыске и обратно. Вчера, когда он на теплоходе, остановившемся на рейде, подъехал, заметно штормило, но, несмотря на это, к теплоходу подъехало несколько лодок. Они, соблюдая все меры предосторожности, поочерёдно причаливали к трапу и забирали пассажиров. Он сел в одну из лодок.

Вечером отмечали праздник – день Военно-морского флота, а заодно и день рождения жены Дениса. Были приглашены соседи. Всё большое семейство и гости сели за большим круглым столом за праздничный ужин. Мирно велась беседа. Никто не ограничивал в количестве спиртного, вот Алексей Сергеевич немного и перестарался. Правда, закуска на столе стояла отменная. Главное блюдо, сёмга, стояло в центре стола с большими кусками рыбы. В деревне не принято нарезать рыбу тонкими и прозрачными ломтиками, как в ресторане, доказывающими скупость и скардность хозяев. Нарезают тушку большими ломтями, не скупясь, и с большой горкой. Денис, давно не видевший такого угощения, поглощал рыбу кусок за куском. Правда, он обратил внимание, что кроме него рыбу никто не ест, но на это сильно не отвлекался.

Дочка начала засыпать. Он прижал её себе:

– Сашенька, ложись на плечико и засыпай.

До маяка они не дошли. Тельце спящей дочери стало тяжё-

лым, она уже не держалась за шею, и нести её было не очень удобно. Денис повернул обратно.

Застолье продолжалось, когда, наконец, кто-то обратил внимание хозяйки на рыбу. Кроме хозяев и, пожалуй, зятя, все видели, что кое-где виднелись крупные белые черви. Тарелка вмиг исчезла со стола, и через некоторое время появилась другая тарелка вместе с извинениями хозяйки и сёмгой из другой бочки. Денис понял, почему никто не задевал рыбу, но выпитая водка притупила неприятные ощущения. На этом инцидент был исчерпан. Когда все расходились, старик уже дошёл до кондиции. Его уложили на обшарпанный диван, обычное в таких случаях привычное место.

В большой комнате на диване было постелено Денису с женой, а на кровати, стоящей под девяносто градусов, направлено место для Иды, второй дочки старика. Саша спала в своей кроватке. Наталья, жена Дениса, сказала:

– Идка, ты за нами не подсматривай!

– Больно надо, я от вас отвернусь.

Она отвернулась к стенке, высунув из-под одеяла белую круглую половинку, дразня и издеваясь над роднёй.

Когда Денис подходил к дому, руки уже онемели. Саша мирно спала на плече. Он аккуратно раздел её и положил в кроватку досыпать. Старика не было. Он как-то внезапно исчез так, что никто не заметил, когда и куда. Пришёл он неожиданно быстро, поставив на стол непечатую бутылку водки.

– Садись зять. Ты один меня понимаешь, – он налил водку в две стопки,

– Я только одну, – запротестовал Денис.

– Дело твоё. Со «вшивками» я пить не буду.

После двух стопок старик оказался в своём обычном полупьяном состоянии. Собеседник ему уже не требовался, он разговаривал один, сыпля нравоучениями в адрес жены и дочек:

– Я царь и Бог! – это выражение он применял к месту и не к месту, – я научу вас, как уважать главу семейства. Что вы думаете, я не найду выпить? Найду. Меня вся деревня уважает. Каждый даст опохмелиться. А вы тунеядки и бездельницы.

– Да замолчи ты, наконец! – это вступила в разговор жена.

– Раз ты глава, почему же нам не наливаешь? – Идка ехидно подковырнула.

– Садись, налью. Только не бабье это дело, пить водку. Мужик, он и есть мужик, сколько не наливай, будет, как стёклышко, а вам пить вредно и даже опасно. Вам рожать надо и за домом смотреть, а не водку пить. Вы в хозяйстве никчемный народ, дармоедки.

– Дармоедки тебе стирают, варят и даже спать укладывают, – Идка не унималась.

– Всё равно вы сидите на моей шее, я вас кормлю и содержу.

Выпив ещё стопку, старик умолк, посапывая прямо за сто-

лом. Всё повторилось, его снова утащили на диван.

Широкий горизонт был чист. С моря несло прохладой. Воздух, насыщенный морскими запахами, освежал. Шёл прилив. Песчано-глинистые отмели постепенно исчезали под водой. Морская вода медленно, но неуклонно приближалась к основному берегу. Чайки летали, крикливо извещая о том, что обед закончился. Морское дно, кормившее не только чаек, но и других птиц, исчезало, а это означало, что надо ждать отлива, когда будет опять «накрыт» обильный стол. Покружившись, чайки расселись на привычные места на морском берегу и на море среди волн.

После обеда старик очнулся. Он встал с дивана и, ни слова не говоря, вышел во двор. Весь его вид говорил о том, что ему ещё хуже, чем было с утра. Помятый, небритый и опухший он пошёл к морю. Привычно осмотрев своё хозяйство, Алексей Сергеевич пошёл сдаваться женскому полу, так как недопитая бутылка водки была спрятана, а снова занимать ему просто не позволяла совесть. Долги надо отдавать, а отдавать было нечего.

– Идка, Наташка, где моя бутылка?

– Какая бутылка? Та, что ты принёс, выпита, а другой нет.

– Не мог я выпить всю бутылку, не врите и не обманывайте.

– А ты что, не помнишь, что угощал нас?

– Вы тоже не могли выпить, у вас только язык мотается из стороны в сторону.

– У тебя почище мотается, да мы не упрекаем.

– Налейте, изверги, стопку, – старик твёрдо стоял на своём. Из опыта он знал, что рано или поздно бутылка появится. Татьяна Игоревна сказала, как отрезала:

– Не давайте ему больше ничего. Царь и Бог всем надоел за два дня. Зять приехал, а он только жрёт водку.

– А тебя вообще никто не спрашивает. Я вырастил дочерей, у них и спрашиваю.

– Вспомнил. Много ты дочерей-то видел? Пока пил, они и выросли.

– Ты что ли вырастила?

– Ну, не ты же.

Перепалка продолжала разрастаться, норovia опять превратиться в ссору. Наташа принесла налитую стопку и поставила на стол.

– Вот, последнюю стопку ты не выпил, она осталась, а больше ничего нет.

Старик сразу забыл, о чём шла речь. Он смотрел на своё лекарство. Лицо прояснилось. Не отводя глаз от стопки, он сел за стол и одним махом её опрокинул в рот. Закусывать он не стал, а сидел, чувствуя, как внутри разливается привычное тепло.

– Я вас научу уважать главу семьи. Вот, Наташка понимает, уважила отца, настоящая дочь, а у Идки только одни смешки, один ветер в голове. Помирать буду, а стопку не подаст, никчемный человек.

– Зато ты царь и Бог, очень в хозяйстве человек нужный, производитель. Особенно сейчас очень ценен, для размножения последующих поколений.

– Да, для тебя я царь и Бог!

Старик надел свою замурзанную шапку и вышел из дому. Перепираться с дочерьми не было уже никаких сил, да и старуха не давала никакого житья. Алексей Сергеевич пошёл к морю. Там было единственное спокойное место, около своего карбаса. Море щедро выбрасывало на берег морские водоросли, которые, засохнув, хрустели под ногами. Он ждал шторм, не просто ждал, а готовился к заготовке даров моря. После шторма на берегу оставались лежать водоросли, которые собирали всей деревней. Мошок или, по-научному, анфельция, заготавливался мешками, а после сушки всё сдавали на заготовительный пункт, откуда водоросли шли в фармацевтическую и кондитерскую промышленность.

Для сушки развешивали на кольях сети. Самое сложное заключалось в том, что после сушки из мошка необходимо вытряхнуть весь песок, который надуло на морском берегу ветром. С песком водоросли считались некондиционными и на приёмный пункт не принимались. Дед командовал:

– Вам, внуки, задание: до обеда прогрохотить водоросли.

Эта операция так и называлась – грохотить, иначе – выбить из мошка весь накопившийся песок.

– Дедушка, а можно мы это сделаем завтра? – внуки любыми путями пытались увильнуть от тяжёлой и неблагодар-

ной работы.

– Нет, я сказал – за работу, значит, за работу и нечего отлынивать.

Дети принимались колотить снизу по сетке. Песок сыпался на них сверху, донимала жара, они изнемогали от усталости, но работу выполняли добросовестно. Это была детская работа, наиболее лёгкая.

Заготавливали также и ламинарию, но её заготавливали другим способом, выкашивая прямо с морского дна. Эти летние заготовки были одним из источников дохода жителей деревни. Правда, после собирания по берегу мошка не разгибалась спина, но это были издержки производства. Спину можно выпрямить потом на диване, а заготовкой надо заниматься сразу после шторма. Позднее на берегу ничего не будет. Жители подберут всё, что принесло море. Заготовкой как раз и занимаются дочери, приехавшие на летний отдых. В этом, конечно, от них помощь большая. Старик размышлял: по его приметам шторм должен быть завтра, а это означает, что надо трезветь и готовиться к заготовкам. Работы хватит для всех, да и дочери вместо чесания языка, займутся делом.

Чайки вдруг встрепнулись, взлетели со своих мест и начали кружиться над волнами, падая к самой воде и вновь взмывая вверх. Они выискивали в волнах только им видимый корм, пытаясь, отнять его друг у друга. Подняв невообразимый гвалт, они носились взад-вперёд над волнами,

выделявая немислимые пируэты. На старика, казалось, они не обращали никакого внимания, но стоило ему только шевельнуться, как эта кричащая гвардия тут же перемещалась от человека подальше. Прибрежные валуны затопило водой. Скоро наступит полный прилив, а затем начнётся обратный процесс.

Вода, постепенно отступая, будет уходить с песчаных отмелей, оставляя корм для пернатых. Всевозможные рачки и мелкие рыбёшки, не успев откатиться вместе с водой, будут искать убежище в глинистых отмелях до следующего прилива.

* * *

Старик стоял на берегу и вспоминал, как однажды, ещё в молодости, он с напарником Сашкой Чертковым уехал поохотиться на гусей. Ничего необычного в том, что поморы куда-то поехали, не было. Ездить приходилось всегда: на промысел, за дровами, отвезти больного – жизнь преподносила много случаев, когда необходимо было поднять паруса. А на охоту ездили не только для пропитания, но и для отдыха. Гусиная охота захватывала, и каждую весну отправлялись карбаса под парусами в море, на заветные места. Выставлялись ловушки на камбал, а в свободное время поморы

занимались охотой.

Жёны, как правило, оставались дома ждать возвращения своих мужей с добычей. Вся женская часть работы была после возвращения мужиков домой: надо всё прибрать и определить по своим местам на хранение. Особенно много возни с гусями, которых надо ощипать, выпотрошить и засолить для длительного хранения. Перо шло на перины и подушки, а мясо очень здорово выручало зимой.

Татьяна Игоревна поджидала мужа. День приезда был оговорён заранее. В этот день погода не радовала. Нельзя сказать, чтобы было холодно, но ветер задувал очень неустойчивый, временами шквалистый с дождём и мокрым снегом. А к обеду накрыло так, что стало темно. Огромная лиловая туча напозла с востока. Поднялся очень сильный ветер. Море побелело, покрылось бурунами. Огромные волны перекатывались, поднимались вертикально, с гребешков волн летели брызги, уносимые сразу ветром. Эти волны обрушивались друг на друга с яростной силой.

На деревню налетел шквал, поднял с дороги и меж домами пыль, мусор, небольшие предметы, завертел, закружил и унёс всё прочь с лёгкостью пушинок.

– Если мужики выехали, больше не вернутся, – Татьяна Игоревна это проговорила вслух.

– Ты что, мать, такое говоришь? – Старшая дочь Марина посмотрела на неё с испугом.

– Я никогда не видела здесь такого шквала. Что говорить

уж про море, где всё беснуется и свистит. Там творится тихий ужас.

А мужики в этот день выехали, как и было намечено, домой. Ветер дул, но не очень сильный. Беды ничто не предвещало. Правда, ветер был не очень удобный для управления парусом, боковой, но к этому поморам не привыкать – ходили под парусом и при встречном ветре. Алексей Сергеевич управлялся с парусом, а Сашка рулил.

Выехали из устья реки и направились прямо в море. Когда оказались в полукилометре от берега, стало видно, как с берега прямо на них движется огромная тёмная туча. Часть её уже нависла над морем, и в этом месте оно кипело и пенилось.

– Сашка, будь внимательней, сейчас наверно накроет.

– Я вижу, ничего хорошего эта туча не предвещает.

Они старались перекрычать шум моря и ветра, который начал крепчать, надувал, как футбольный мяч, парус, который стал твёрдым и упругим.

– Алексей Сергеевич, может парус убрать?

– Карбас окажется неуправляемым, тогда ещё хуже. Ты рули, я здесь справлюсь.

Белая полоса на море приближалась, но было уже очевидно, что она их не заденет. Маршрут шквала пролегал за кормой. На душе немного отлегло, но расслабляться было рано.

Сашка, который сидел лицом по ходу лодки, взглянул вперёд и обомлел, прямо по курсу, там, где им предстояло прой-

ти, начало зловеще чернеть небо. До тучи было далеко, но уже сейчас впереди на горизонте море белело и вздымалось вертикальными бурунами. Скрыться и уйти от этого кипящего котла было просто некуда. Алексей Сергеевич, увидев очередной шквал, испугался не на шутку, но виду не подавал. Он размышлял: «Кажется, приехали. Этот шквал ни обойти, ни объехать. Остаётся только молиться Богу». По его окаменевшему лицу Сашка испуг не видел, оно было непроницаемым. Да и не хотел старик пугать напарника раньше времени: «Пусть рулит, а там будь что будет!»

Этот шквал к ним неумолимо приближался, дождь с мокрым снегом секли лицо и глаза. Белая кипящая полоса на море была ещё далеко, но уже было отчётливо видно, как там вдалеке беснуются волны, превращая море в огромный кипящий котёл.

Такое Алексею Сергеевичу пока не встречалось. Чтобы шторм шёл отдельной небольшой полосой, он раньше не видел. Карбас шёл прямо в кипящий ад. Пристать к берегу нельзя, разобьёт о камни. Отвернуть тоже некуда – скорость шквала превышала скорость судна. Куда бы ни поворачивали, он всё равно настигнет.

Алексей Сергеевич проверил крепление груза. В карбасе стояло несколько бочек с камбалой и сельдью, а в мешках находились убитые на охоте гуси. Груз, на его взгляд, был пришвартован надёжно. Краем глаза он наблюдал за рулевым. Сашка молчал, и по его лицу нельзя было определить, о чём

он сейчас думает, Скорее всего, они оба думали об одном и том же. Старик уменьшил площадь паруса, чтобы ненароком не обломилась мачта, сел на своё место и стал ждать своей участи.

Огромная чёрная туча всё ещё была впереди и, казалось, застыла на месте. Море поперёк курса белело уже широкой полосой, но к карбасу эта полоса почему-то приближалась медленно.

– Сашка, так пройдёт ещё полчаса. Сближаемся мы очень медленно, хотя скорость ветра там огромная.

– Я это заметил. Он, очевидно, играет с нами в кошки-мышки. Прежде, чем накрыть всей своей мощью, играет в догонялки.

– Такое впечатление, что он смещается поперёк курса.

А небо с одной стороны и в самом деле стало светлее. То ли помог Всевышний, то ли поморам в этот раз столкнуться со шквалом, была не судьба. Туча сместилась в сторону. Впереди карбаса белая полоса на море стала темнеть и не казалась уже такой зловещей. Волны были огромные, но к волнам поморам не привыкать. До деревни оставалось всего несколько километров.

Когда шквал прошёл, Татьяна Игоревна вышла на улицу и стала вглядываться в море. Далеко на горизонте среди волн она увидела белый парус. Он то терялся среди волн, то виднелся отчётливо. Карбас, уже стало очевидно, шёл домой. Она, разом помолодев и незаметно улыбаясь, пошла настав-

лять самовар.

Это было давно. Старик тогда не имел ещё достаточного опыта общения с морем. Сейчас опыт есть, но силы уже не те. Нет былого удальства и безрассудства.

Татьяну Игоревну Алексей Сергеевич украл.

Будущая жена была прислугой в барском доме в Архангельске, в одной из еврейских семей. Хозяйка, или иначе её госпожа, была врачом. Девушка выполняла все работы по дому: стирала, варила, мыла, чистила и даже мыла хозяйку в бане, распуская при этом свои длинные волосы, кончики которых висели под коленками. Она сверкала своей белизной, была стройная и красивая с благородным лицом и гордо поднятой головой. Хозяйке прислуга нравилась своим послушанием и молодостью.

После мытья в бане хозяйка расчёсывала ей длинные волосы и укладывала в косу.

Так бы и жили прислуга со своей хозяйкой, если бы однажды ночью Алексей Сергеевич не выкрал понравившуюся ему девушку.

Большой охотник за юбками, увидев такую красу, Алексей Сергеевич не мог устоять:

– Со мной поедешь?

– Куда?

– Ко мне в деревню.

– А зачем?

– Будешь со мной жить. Я на тебе женюсь.

– Я не знаю. Хозяйка ругаться будут.

– Хозяйка не узнает.

– А как это?

– Я тебя украду.

– Ой, как интересно. Меня ещё никогда не украдывали.

– Вот я и украду. Готовься, я за тобой приду.

– Вот ещё, никуда я готовиться не буду, больно надо.

– Я всё равно украду без подготовки, останешься без приданого.

– Больно Вы прыткий.

– Не забудь, я ночью приду.

На этом в тот вечер и расстались.

Ночью Алексей Сергеевич вывез её на лодке из Архангельска. Путь до деревни не близкий, останавливались на ночёвки во всех попутных деревнях. Спутница покорно следовала за своим новым хозяином, а он оставлял её вечерами одну и в каждой деревне спал с другими подругами. На свою новую жену ему было уже наплевать. Алексей сразу дал ей понять, кто в доме хозяин.

Так и повелось, что по дому он в молодости практически ничего не делал. Когда она просила помочь, Алексей отвечал:

– Я не пахарь полевой и не рыцарь домовый.

Все свои силы он посвящал рыбалке, не забывая между делом строгать детей. Жена всё время ходила беременной. Это не мешало ему гулять на стороне, навещая практически

всех женщин, имевшихся в деревне. Татьяна знала об этом его хобби, но не упрекала и не ругала. Она вела всё хозяйство. Привыкшая к домашней работе ещё там, когда работала прислугой, женщина считала выполнение домашней работы своей обязанностью. Как-то попросила старшую дочь:

– Света, выпашаи пол, всё равно ничего не делаешь.

– Марина, выпашаи пол, а то Боженька накажет, – тут же переадресовала та просьбу сестрёнке.

Марина, недолго думая, передала брату:

– Васька, попаши пол, а то Боженька накажет!

Васька окликнул Петьку, Петька – Идку, Идка позвала младшую Наталью:

– Натка, подпаши пол, а то Боженька накажет!

Наталья подметает, да на икону поглядывает. Она самая младшая и маленькая, со старшими не поспоришь, а вдруг и в самом деле Боженька накажет. Страх перед неизвестным не давал послушаться, а передать больше некому, младше её никого нет. Дети старались увильнуть от домашней работы.

Татьяна сильно уставала. Всех надо накормить, обстирать, починить одежду. Каждый раз после обеда оставалась гора грязной посуды, для которой надо было наносить воды и нагреть, чтобы всё помыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.